

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 811.35

О СИНТАКСИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ АВАРСКИХ ДИАЛЕКТОВ

М. И. Магомедов

Институт языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы ДНЦ РАН

В статье исследуются некоторые синтаксические особенности аварских диалектов. Анализируются синтаксические явления диалектов с указанием черт, общих с литературным языком, а также особенностей, не свойственных литературному языку.

The article examines some syntactic features of the Avar dialects. Analyzing the syntactic phenomena of the dialects, the author points out the features common to both standard Avar and its dialects, as well as those features that are not characteristic of the standard language.

Ключевые слова: синтаксис; словосочетание; предложение; диалект; говор; эргатив; номинатив; послелог; литературный язык.

Keywords: syntax; word combination; sentence; dialect; idiom; ergative; nominative; postposition; standard language.

В структурном отношении аварский язык и его диалекты представляют собой весьма сложное и многообразное явление. Основными элементами аварского языка являются литературный язык со своими письменной и устной формами и диалектные формы языка с многочисленными говорами.

В качестве критериев членения языкового ареала на диалекты учитываются, как правило, следующие факторы: во-первых, наличие или отсутствие взаимопонимания между носителями диалектной речи; во-вторых, наличие или отсутствие единой письменной литературной нормы или же наличие корней; в-третьих, наличие или отсутствие у носителей диалектов сознания этнического единства, которое выявляется в едином самосознании и самоназвании.

Аварский язык подразделяется на два больших наречия – северное и южное. В северное наречие входят диалекты: восточный, западный (или салатавский) и хунзахский. Южное наречие составляют следующие диалекты: закатальский, анцухский, карахский, андалальский и гидский. Особенности тех или иных диалектов образуют сложное переплетение изоглосс [1].

Современные достижения в области аварской диалектологии и в особенности лингвистической географии позволяют определить, какой вклад в литературный язык внесли все диалекты в совокупности и какая часть этого вклада приходится на каждый отдельный диалект.

Если представители каждого наречия относительно свободно понимают друг друга, то взаимное понимание речи представителями северного и южного наречий в значительной степени затруднено некоторыми различиями этих наречий в области фонетики, морфологии и лексики. В географическом плане диалектные черты могут иметь определенную территорию распространения, за пределами которой их почти не отмечают. Тем не менее, развиваясь в тесном взаимодействии, при наличии объеди-

няющего единого литературного языка аварские диалекты подвергаются изменениям, несмотря на значительные их расхождения.

Взаимоотношения между аварскими диалектами, степень их общности и различия определяются не одним признаком, а целым комплексом признаков. Такой подход дает возможность составить более цельное представление об аварских диалектах.

Все аварские диалекты оказывают определенное влияние друг на друга. Однако, несмотря на взаимный характер контактирования этих диалектов, сильнее других на прочие диалекты влияет хунзахский диалект, который вобрал в себя наиболее общие черты других диалектов. Задача выявления общих и частных закономерностей междиалектных взаимодействий представляет собой необходимый этап в изучении аварских диалектов.

Языковые процессы в каждом ареале протекают не с одинаковой интенсивностью. Отсутствие письменных памятников затрудняет исследование исторического синтаксиса аварского языка, поэтому ограниченным источником для диахронического изучения остается диалектный материал, который служит незаменимым средством при исследовании процессов, определивших синтаксический строй аварского литературного языка.

Наиболее интересным источником изучения аварского языка в историческом аспекте могут служить говоры и диалекты, оторвавшиеся в историческом прошлом от основных диалектов. В этом отношении представляет большой интерес закатальский диалект, находящийся в окружении азербайджанского языка, говор сел. Кусур, расположенный в окружении рутульского языка, а также речь аварцев, проживающих компактно в странах Ближнего Востока.

Для установления исторических изменений в тех или иных явлениях необходимо сравнение изолированных языковых единиц с формами литературного языка. Такое сопоставление дает материал для изучения различных уровней языка: фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики, обеспечивает возможность сопоставления различных диалектных данных, с помощью которых могут быть прослежены все оттенки значения и частотности употребления той или иной синтаксической конструкции [2].

Недостаточная изученность синтаксиса аварского языка относительно других уровней языка неоднократно отмечалась в лингвистической литературе. По-видимому, это не случайно. Очевидно, что кроме субъективных факторов (малой изученности) есть и чисто объективные причины: изменения в структуре предложения (в синтаксисе) происходят гораздо медленнее, чем на других уровнях языка. Отсюда и меньше черт различий в синтаксисе диалектов. Элементы, общие для всех диалектов, значительно преобладают над частными, различительными. Более того, именно общие элементы всех диалектов определяют синтаксический строй аварского языка. К таковым относятся: типы словосочетаний, способы соединения слов между собой в составе словосочетаний и предложений, типы предложений и основные способы их построения и др. Однако, совпадая в своих основных чертах, синтаксические структуры диалектов имеют и некоторые различия. Так, наблюдается тенденция утраты диалектных черт под воздействием литературного языка, а также в результате влияния русского языка, в других диалектах сохранились архаичные синтаксические конструкции, в третьих произошли определенные изменения в ходе развития языка. Здесь мы рассматриваем различия, установившиеся в более или менее отдаленное время. Задача выявления общих и частных закономерностей

междиалектных взаимодействий представляет собой необходимый этап в изучении аварских диалектов. Общая структура аварского предложения, его содержание, размеры и т.д. в процессе исторического развития, вероятно, претерпели определенные сдвиги и изменения.

Одна из причин малой разработанности синтаксических явлений в аварских диалектах заключается в том, что до сих пор отсутствуют обобщающие работы по данной проблеме, хотя бы и чисто описательного характера, ограничивающиеся синхронным планом, но вместе с тем с точным указанием границ распространения той или иной синтаксической конструкции. В такого рода работе должна быть указана полная характеристика синтаксических явлений диалектов с указанием черт, общих с литературным языком, а также особенностей, не свойственных литературному языку [3].

Отметим в связи с этим, что диалектологические исследования должны вестись в тесной связи с этнографией, фольклором, историей и другими науками. В аварской диалектологии отражаются все стороны жизни носителей языка. «А поскольку язык живет тысячелетия, его показания приобретают значение исторических документов, которые могут многое рассказать о прошлых судьбах того народа, которому этот язык принадлежит» [4].

Развитие любого языка тесно связано с историей развития самого народа, с его культурно-экономическим статусом и социально-политической структурой общества. Для исследования аварского языка роль диалектологии становится еще более значимой, так как диалектные данные являются для него единственным источником, компенсирующим отсутствие письменных памятников. Однако в дагестанской диалектологической литературе нет ни одной работы, посвященной специально синтаксису диалектов.

Как известно, феодальным центром и резиденцией аварских ханов являлся Хунзах. Именно здесь возникли предпосылки для образования *болмацI* – общественного языка. Хунзах в качестве экономического и культурного центра объединял представителей всей Аварии, поэтому *болмацI* играл здесь роль языка междиалектного общения. *БолмацI* складывался в течение веков в процессе длительного становления самого аварского народа. В период существования государства Имамат в XIX в. *болмацI* выполнял также функции одного из языков межнационального общения и делопроизводства наряду с арабским языком. В настоящее время аварский литературный язык служит языком общения, делопроизводства и начального школьного обучения для представителей андо-цезских народностей. В XX в. начинается новый этап в развитии аварского языка – процесс превращения *болмацI* в литературный язык.

Процессы формирования аварского литературного языка связаны с появлением новой письменности и книгопечатания на родном языке.

В нынешних условиях лексико-грамматическая норма аварского литературного языка складывается в стихии борьбы против иноязычных элементов и обращения к национальным, внутренним ресурсам. В связи с расширением общественных функций литературного языка и его возрастающим влиянием на диалекты и говоры происходит их нивелировка и сближение с нормами литературного языка. Что касается территориальных диалектов, то они входят во взаимоотношения с литературным языком, как правило, через общенародную разговорную речь. Свою функцию авар-

ский литературный язык в полной мере выполняет потому, что он понятен широкому кругу людей и близок к общенародной речи [5].

История развития человеческого общества не знает случаев, когда бы языки развивались без взаимодействия с другими языками и не оказывали друг на друга влияние. Проблема взаимодействия аварского языка с другими языками и со своими диалектами продолжает оставаться актуальной.

Известный синтаксист Т.П. Ломтев отмечал, что структура предложения имеет семантизированный характер, несет определенную информацию. Он писал: «Модель предложения обладает отвлеченною формальной значимостью, в которой фиксируется общий характер отношений между предметами и общий характер ее структурных элементов» [6].

Семантическая структура предложения складывается из набора определенных смысловых компонентов, называющих участников (субъект, объект) и обстоятельства (причина, место, время и т.д.), а также компонента, указывающего на характер связывающего их отношения (предикативный признак).

Рассмотрим предложение: *Инсуда вихъана кагъат хъвалев вас* «Отец увидел сына, который писал письмо» (букв. «отец увидел письмо пишущего сына»). Здесь субъект предложения представлен локативом I серии *инсуда* (от *эмен* «отец»), предикат – глаголом внешнего восприятия *вихъана* «увидел», а словосочетание *кагъат хъвалев вас* «письмо пишущий сын» целиком выступает выразителем объекта предложения. В составе данного словосочетания представлены два объектных актанта в номинативе: *кагъат* «письмо» и *вас* «сын». Актант в номинативе *кагъат* является выразителем объекта действия по отношению к *вас*, а актант в номинативе *вас* является выразителем субъекта действия по отношению к *кагъат*. Но актант *вас* одновременно является также объектом действия по отношению к субъекту предложения *инсуда*. Следовательно, актант *вас* в одном и том же предложении одновременно является и субъектом действия (в структуре словосочетания), и объектом действия (в структуре предложения): субъектом действия по отношению к имени в номинативе *кагъат* и объектом действия по отношению к имени в локативе I серии *инсуда*. Глагол-сказуемое *вихъана* своим префиксальным классно-числовым показателем *в-* координируется только с актантом *вас*. Таким образом, в словосочетании *кагъат хъвалев вас*, являющемся в целом выразителем единого грамматического объекта предложения, представлены два разнохарактерных объектных актанта.

Различные конструкции предложений предопределяются, как правило, характером предикатов, а также сочетательными способностями различных лексико-семантических групп глаголов и имен. Учет этих особенностей позволяет системно описать группы предложений, организуемых классами предикатов одной семантики, а также выявить разнообразные их структуры. Например, в предложениях с глаголами речи в аварском языке возможно наличие четырех компонентов. Один компонент называет действие речи (для этого служат предикаты – глаголы речи) и три компонента соответствуют трем участникам речевого акта: субъекту, адресату и объекту речи. В структуре предложения *КIудадаца лъималазе маргъаби рицана* «Дедушка рассказал детям сказки» каждый компонент занимает определенные позиции относительно предиката. Исходную позицию здесь занимает субъект действия (*кIудадаца*). От него исходит действие, он является самым активным участником действия. Грамматически положение субъекта как исходного компонента проявляет-

ся в том, что он выражается в предложении формой эргативного падежа и глагол-сказуемое (*рицана*) не координируется с ним ни в классе, ни в числе. Объект (*мар-гъаби*) выражается именем в номинативе и находит свое отражение в префиксальном классно-числовом показателе *p*- глагола-сказуемого (*рицана*). Адресат же (*лгьимала-зе*) оформлен именем в дативе [7].

В аварском литературном языке представлены своеобразные синтаксические черты, отсутствующие в диалектах. Так, в диалектах отсутствуют назывные предложения, которые встречаются в литературном языке. Например: *Рокъи. ТалихI. Лгьимер. ЦIва* [Гъ. Гъ.] «Любовь. Счастье. Дитя. Звезда»; *Март. ГъутIби. Дурги дурги плац* [Гъ. Гъ.] «Март. Деревья. Твой и мой плац» и др. Односоставные предложения как особый семантико-структурный тип простого предложения с одним главным членом в качестве организующего центра высказывания, таким образом, являются новым явлением в синтаксисе аварского языка. Вероятно, этот тип предложений аварский язык заимствовал из русского языка.

Возможны ли предложения, в которых вовсе нет предикативности? Разумеется, да. Если в предложении нет сказуемого или другого аналогичного ему члена, то конечно, в нем нет и предикативности. Так, например, нет предикативности в назывных предложениях типа: *Их. ТIугьдул. Хинал къоял.* «Весна. Цветы. Теплые дни». Есть ли в подобных предложениях подлежащее? Интересную мысль по данному поводу высказывает М.И. Стеблин-Каменский: «Очевидно, что если в предложениях отсутствует сказуемое, то не может быть и речи о подлежащем. Если подлежащее – это тот член предложения, к которому сказуемое стоит в предикативном отношении, то при отсутствии сказуемого, естественно, не может быть ни члена, к которому оно стоит в предикативном отношении, ни самого предикативного отношения. Такие предложения правильнее было бы называть «непредикативными» [8]. Мы бы воздержались от столь категоричного отрицания подлежащего в назывных предложениях, хотя очевидно, что невозможно разложение содержания таких предложений на подлежащее и сказуемое.

Определенные различительные явления наблюдаются в структуре послеложных и беспослеложных конструкций. Например, послеложные конструкции карахского диалекта соотносительны с формой имени в локативе V серии литературного языка: *гъутIода ахакъ* (карах. диал.) – *гъотIокъ* (лит. яз.) «под деревом»; *чода гад* (карах. диал.) – *чотIа* (лит. яз.) «на коне», *вегъзилъ циве* (карах. диал.) – *вачIиналде* (лит. яз.) «прежде чем пришел» и т.д. Необходимо отметить, что в аварском литературном языке в равной степени употребительны как послеложные, так и беспослеложные конструкции указанных типов: *гъотIокъ – гъотIода ггоркъ* «под деревом» и т.д.

К различительным явлениям, связанным со структурой предложения, относится также различие в оформлении вопросительных предложений. Характерным для карахского диалекта вопросительным предложениям типа *Дулъ гэхъ цIалури?* «Ты книгу прочитал?» в литературном языке соответствуют предложения типа *Дуца тIехъ цIаланиц?* с тем же значением. Особенность структуры вопросительного предложения в карахском диалекте заключается в том, что при оформлении вопросительного предложения выпадает элемент частицы *-иц*, обязательно присутствующий в литературном языке.

Характерным признаком вопросительных предложений является специальная вопросительная интонация. Посредством значительного повышения тона в вопроси-

тельном предложении обычно выделяется то слово, которое содержит вопросительную частицу, например: *Рукъиш дуца босараб?* «Дом ли ты построил?»

Иногда в начале предложений, которые произносятся с вопросительной интонацией, употребляются вопросительные слова (местоимения) *шиб?* (-в, -й, -л), *кинаб?* (-в, -й, -л) и др., например: *Щал жакъа дарсиде кватларал?* «Кто сегодня опоздал на урок?»

Когда необходимо особо выделить какое-нибудь слово в вопросительном предложении, то к этому слову добавляется частица *-ха*: *Мун шагъаралдейишца шварав?* «Ты в городе побывал?»

Известно, что диалекты и говоры, находящиеся в иноязычном окружении, сохраняют в большей степени архаические языковые черты. В этом отношении большой интерес представляет закатальский диалект, где категория лица находит своеобразное отражение в глаголе-сказуемом. Глагол закатальского диалекта в так называемом прошедшем достоверном времени выражает не только категорию числа и класса, но и лица. Например: *дун веров* «я пришел», *дуй вортолов* «я упал» (I лицо); *мун* или *дав вери* «ты (он) пришел», *мун* или *дав ворта* «ты (он) упал» и т.д. [9]. Как отмечает П.А. Саидова, посвятившая этому явлению специальную статью, «если в аварском языке глагол согласуется с именем существительным в классе и числе, то в закатальском, единственном из аварских диалектов, представлено четко выраженное согласование сказуемого с лицом имени. Здесь одновременно представлено два типа спряжения – классное и классно-личное. Классно-личное спряжение наблюдается в трех говорах закатальского диалекта – чарском, чардахларском и тальском. Для белоканского говора характерно классное спряжение» [10].

Аналогичное явление отмечено в кусурском диалекте [11]. Ср.:

кус. диалект	лит. язык	
<i>Дун вугав</i>	<i>Дун вуго</i>	«Я есть»
<i>Мун вугу</i>	<i>Мун вуго</i>	«Ты есть»
<i>Дав вугу</i>	<i>Дов вуго</i>	«Он есть»

В случае переходного глагола имеем личное субъектное согласование, т.е. специфические формы с классным суффиксом, маркирующие первое лицо субъекта. Сам классный суффикс при этом согласуется с объектом. Ср.:

кус. диалект	лит. язык	
<i>Диса гьубураб</i>	<i>Дица гьабуна</i>	«Я сделал»
<i>Дуса гьубур</i>	<i>Дуца гьабуна</i>	«Ты сделал»
<i>Дас гьубур</i>	<i>Дос гьабуна</i>	«Он сделал»

Для аварского литературного языка характерно очень широкое употребление союза *ва* «и», выполняющего соединительную функцию, и частицы *-ги* с теми же функциями, в то время как в карахском диалекте в соответствующих случаях употребляется только частица *-ги*. Союз же *ва* «и» в карахском диалекте практически не встречается. Например: *гэмен ва гэбел // гэменги гэбелги* «отец и мать» (лит. яз.) ~ *гьиминги гьибелги* (карах. диал.). Употребление союзов, частиц, послелогов в словосочетаниях и предложениях представляет собой факт синтаксический, поскольку они являются элементами определенных синтаксических конструкций.

В карахском диалекте не употребляется транслатив, который встречается в литературном языке. Аналогичные случаи в карахском передаются описательно либо посреложными конструкциями: *Дав вегьур роснаса тиру* «Он пришел через селение» ~ ср. в лит. яз.: *Дов вачлана росулган*; *кьода асса* «через мост» (карах. диал.) ~ *кьодасан* (лит. яз.) и др.

В кегерском говоре андалальского диалекта личное местоимение 1-го и 2-го лица именительного падежа множественного числа употребляется в качестве подлежащего при переходном глаголе: *ниж чед квана* «мы съели хлеб», *нуж чед квана* «вы съели хлеб» [12]. Подобное же явление зафиксировано в гидском диалекте, а также в келебском говоре (в последнем – в речи женщин) южного наречия. В аварском литературном языке здесь употребляется эргативный падеж: *нижеца чед кванана* и *нужеца чед кванана*.

В гидском диалекте Ш.И. Микаилов отмечает следующую синтаксическую особенность: в качестве дополнения здесь употребляется форма направительного падежа 1-й серии вместо местного падежа 1-й и 2-й серий, существующих для этого в литературном языке. Например: *Балая ханасул васассэ* (направительный падеж 1-й серии) «посмотри-ка на ханского сына» вместо *балагъея ханасул васассухъ* (местный падеж 2-й серии) [13]. Такое же смещение падежных функций мы наблюдаем в карахском диалекте, где иногда вместо местоимения 1-го лица ед. числа употребляется местоимение 2-го лица мн. ч. К таким приемам прибегают с целью унижения собеседника, передачи возмущения, несогласия.

Необходимо отметить, что та или иная особенность, утраченная большинством диалектов на относительно поздних этапах их развития, по какой-либо причине сохраняется в немногих или даже в одном диалекте. Так, например, как отмечает Ш.И. Микаилов, в келебском говоре при переходном глаголе употребляется местоимение 2-го лица ед. ч. в именительном падеже вместо эргативного падежа в литературном языке: *мун хIур бекъубиц?* «ты вспахал поле?» вместо *дуцца хур бекъаниц?* [14]. Такие конструкции отличаются по структуре, но совпадают по значению и употреблению.

В фольклорных текстах могут сохраняться более архаичные варианты грамматических форм слов и конструкций, уже утраченные в литературном языке. Так, инфинитные формы глагола в предложении функционируют, как правило, при наличии финитной формы: они выражают такое действие, которое зависит от действия, передаваемого финитной формой. Однако в произведениях устного народного творчества встречаются случаи, когда инфинитные формы, в частности причастия, употребляются в предложениях самостоятельно. В таких предложениях полностью отпадает необходимость употребления финитных форм, например: *Борхатаб магIарда гIигин вукIадго тIогъараб магIарде вахун вукIарав* [Г.П.] «Находясь с отарой высоко в горах, взобрался на цветущую гору». Здесь вместо финитного глагола *вукIана* «был, находился» выступает инфинитная форма данного глагола – причастие *вукIарав* «бывший, находящийся». Сила предикативности данной причастной формы настолько интенсивна, что она замещает финитную форму и превращает словосочетание в предложение. Подобные факты, на наш взгляд, уже сами по себе могут служить убедительным аргументом в пользу того, что в старом аварском языке причастные формы имели статус предикативности, постепенно утраченный в ходе развития языка. «В самой природе языкового обычая заложена постепенность; лишь он и

может привести к успеху» [15, с. 215]. В настоящее время в случаях (весьма, впрочем, редких) причастие может употребляться вместо глагола.

Аналогичное явление наблюдается также и в аварских народных пословицах и поговорках: *Кету рихаразда глунклаз квал балеб* [А.Х.К.] «Мыши обнимают тех, кому ненавистен кот»; *Кзуваталдаса глаклу бергунеб* [А.Х.К.] «Ум побеждает силу»; *Клуй гечлеб ца буклунареб* [А.Х.К.] «Нет дыма без огня»; *Лгиклги хлехьоларес квеилги хлехьолеб* [А.Х.К.] «Кто не терпит хорошее, тот терпит плохое» и т. д. Здесь вместо финитных форм употреблены инфинитные формы: *балеб* – *бала* (лит. яз.); *бергунеб* – *бергунна* (лит. яз.); *буклунареб* – *буклунаро* (лит. яз.); *хлехьолеб* – *хлехьола* (лит. яз.). Как видим из примеров, причастия-предикаты в аварских пословицах и поговорках соотносительны с финитными формами современного литературного языка.

Однако для аварского языка в целом, по-видимому, преждевременно было бы считать этот процесс (предикативность причастий) завершенным: до сих пор иногда встречаются конструкции с причастиями в функции предиката. Предикативное употребление причастных форм – если не говорить о единичных случаях, возникающих в разговорно-просторечном стиле, – для нашего времени можно квалифицировать как явление, свойственное как аварскому литературному языку, так и его диалектам. Что же касается предложений с предикативными причастиями, то они раньше характеризовались, видимо, большей, чем сейчас, употребительностью, о чем свидетельствуют фольклорные тексты. «Единственным основанием для различения причастия и глагола остается то, что причастие не обозначает утверждения, откуда вытекает и то, что причастие не может составлять целого предложения (в то время как у глагола это его существенное свойство). Причастие может стать предложением лишь при условии, что мы привнесем в него значение, утраченное в процессе образования причастия из глагола, – значение утверждения» [15, с. 153].

В материалах устного народного творчества аварцев просматриваются особенности того или иного диалекта. Однако в силу большой распространенности и подвижности фольклорных сюжетов и текстов последние могут совмещать в себе весьма разнохарактерные лексические и синтаксические особенности многих диалектов, а не только лишь одного диалекта, где первоначально возникли эти произведения. Следовательно, любой фольклорный текст не является образцом какого-либо конкретного диалекта.

Так, в сказании «Гьудул цюралде индал», написанном, несомненно, на андалальском диалекте, параллельно употребляются формы как андалальского диалекта, так и литературного языка. Например: *Их бачлараб, эбел, лгид бицун лгаллеб?* [М.Х.К.] «То, что весна наступила, от кого, мама, узнаем?», где *лгид* – форма эргатива андалальского диалекта, ср. в лит. яз.: *лгица*.

*Берзуд ишан гьабун гьесда бичлчлчло,
Кверзуд ишан гьабун гордив вачлана* [М.Х.К.]

«Глазами знак сделав, он не понял,
Руками знак сделав, он к окну подошел».

Здесь формы слов *берзуд* и *кверзуд* оформлены эргативным падежом множественного числа андалальского диалекта (ср. в лит. яз.: *бераз, квераз*), хотя все остальные

слова в этих строках соответствуют нормам литературного языка. Рассмотрим еще один пример:

*Кли-клиял рекъомо щурищури буго,
Щу-щуял рекъомо гаргари буго [М.Х.К.].*

«По двое собравшись, шепчутся,
По пять собравшись, разговаривают».

Здесь встречаются два раза деепричастная форма андалальского диалекта *рекъомо* (~ лит. *рекъон*) и масдарные формы *щурищури* и *гаргари* (~ лит. *щурищури*, *гаргади*).

В келебском говоре в речи мужчин при непереходном глаголе, так же как при переходном, личное местоимение 1-го лица единственного числа в качестве подлежащего выступает в эргативном падеже вместо именительного падежа в литературном языке: *дилълъа векерина вана* «я бегу»; ср. в литературном языке: *дун векерулев вуго*. В речи же женщин в келебском говоре при переходном глаголе, так же как при непереходном, личное местоимение 1-го лица единственного числа в качестве подлежащего выступает в именительном падеже, тогда как в литературном языке здесь выступает эргативный падеж: *дун хIалтIи гъабу бана* «я выполняю работу» вместо литературного *дицца хIалтIи гъабулеб буго* [16].

Противопоставленные синтаксические различия имеют место также при выражении субъектно-объектных отношений. Например, в предложении *Гъасда ракI гурхIула дир* (лит. яз.) «Я его жалею» представлены субъект *дир* в форме генитива и объект *гъасда* в форме локатива I серии. В соотносительном предложении в карахском диалекте *Дида гурхIан гъав* субъект *дида* выражен местоимением в форме локатива I серии, а объект *гъав* – местоимением в форме номинатива. Подобное противопоставление в формах выражения субъектно-объектных отношений объясняется, вероятно, специфическими особенностями синтаксической структуры карахского диалекта.

Координация компонентов в составе предложения в карахском диалекте также имеет свои особенности. Здесь не представлены суффиксальные классно-числовые показатели, играющие важную роль в координации между членами предложения в литературном языке. Например: *Васас гехъ цIалун бу* (карах. диал.) ср. в лит. ав. яз.: *Васас тIехъ цIалулеб буго* «Мальчик читает книгу». В карахском предложении составное сказуемое состоит из причастной формы *цIалун* и вспомогательного глагола *бу*. Аналогичное составное сказуемое аварского литературного языка состоит из причастной формы *цIалулеб* и вспомогательного глагола *буго*. Примеры:

карах. диал.	лит. яз.
<i>Чу бикерун бу</i> «Лошадь бежит»	<i>Чу бекерулеб буго</i>
<i>Вас векерун ву</i> «Мальчик бежит»	<i>Вас векерулев вуго</i>
<i>Яс йикерун йу</i> «Девочка бежит»	<i>Яс йекерулей йуго</i>
<i>ЛгIимал рикерун ру</i> «Дети бегают»	<i>ЛгIимал рекерулел руго</i>

Как видим из примеров, в карахском диалекте наблюдается только префиксальная классно-числовая координация глагола-сказуемого с именем в номинативе. В литературном же языке представлена как префиксальная, так и суффиксальная классно-числовая координация. Благодаря наличию префиксальной классно-числовой координации в карахском диалекте в достаточной мере сохраняется синтаксическая выразительность имени и в том случае, когда утрачивается суффиксальная координация причастия с именем. Кроме того, в отличие от литературного языка в карахском диалекте вспомогательный глагол является односложным, с усеченным вторым слогом: *ву* (I кл.), *йу* (II кл.), *бу* (III кл.), *ру* (мн. ч.), ср. в лит. яз.: *вуго*, *йуго*, *бугу*, *ругу*.

В аварском литературном языке при непереходных глаголах местоимения выступают в качестве подлежащего в номинативе, а при переходных глаголах – в эргативе. В гидском же диалекте, как известно, личные местоимения 1-го и 2-го лица множественного числа употребляются в предложении в качестве подлежащего в номинативе как при переходном, так и при непереходном глаголах [17].

Важнейшими синтаксическими особенностями диалектов являются также эллиптические предложения, слабая оформленность служебными словами связей между компонентам предложения, употребление слов, не являющихся членами предложения (частиц, послелогов, междометий) и др.

Аварские диалекты несколько отличаются от литературного языка и с точки зрения существования антипассива («биноминативной конструкции»), хотя основные принципы функционирования номинативной конструкции переходного предложения, характерные для последнего, сохраняются и здесь. Так, по данным Г.А. Климова и М.Е. Алексеева, в чадаколовском говоре анцухского диалекта построения эргативной и номинативной конструкций переходного предложения находятся в зависимости от того, какая из аналитических глагольных форм выступает в предложении. «Различное отношение спрягаемых частей аналитических форм глагола к возможности их употребления в эргативной и номинативной конструкциях объясняется, по-видимому, разным происхождением форм вспомогательного глагола, т.е. в некоторых случаях – от полнозначного переходного глагола (например, *вачана* – форма, восходящая к глаголу «вести»; форму *бона* можно сопоставить в лит. *гьабуна* «сделал»), в других случаях – от непереходного (так, *вугу* – форма глагола «быть», ср. лит. *вуго*; *вегына* сопоставимо с лит. *бегула* «быть возможным, вероятным»). Несомненной представляется также и определенная зависимость распределения эргативного и номинативного вариантов от видо-временной семантики глагольной формы» [18].

С другой стороны, смысловое противопоставление эргативной и номинативной конструкций переходного предложения в чадаколовском говоре аварского языка заключается в выделении логически различных частей предложения, что характерно и для литературного языка. Например, фраза *ваш кагъат хъва вога* «мальчик писал письмо» (номинативный вариант) может быть ответом на гипотетический вопрос «что делал (где был) мальчик?», эргативный вариант фразы *вашас кагъат хъва бога* – на вопрос «написано ли письмо?» или «что писал мальчик?». Для форм будущего времени характерно сохранение в эргативной конструкции исходного значения вспомогательного глагола – значения возможности: *вашас кагъат хъва бегына* «мальчик напишет письмо», но и «мальчик может написать письмо».

Безусловно, аварские диалекты характеризуются значительно бóльшим количеством синтаксических различий, чем здесь названо, однако этот круг явлений на

диалектном материале до сих пор почти совершенно не изучен. Задача выявления общих и частных синтаксических закономерностей представляет собой необходимый этап в изучении аварских диалектов.

При этом представляется существенным не только проводить описание по контрастивному принципу, выявляющему частные отличия того или иного диалекта в сопоставлении с литературным языком, но и создавать целостные описания синтаксиса отдельных диалектов. Опытом такого описания, хотя и несколько фрагментарным, является очерк А.Е. Кибрика.

В своем описании автор обращает внимание на следующие синтаксические черты исследуемого диалекта:

Падежная маркировка:

«Абсолютив выражается номинативом (в ед. числе не имеет показателя, во мн. числе иногда имеет показатель *-l*), Агентив – эргативом (показатель \emptyset/d). Особенностью данного языка является оформление Экспериенцера при глаголах «видеть», «слышать» локативом (точнее – эссивом, показатель *-da*), в отличие от глагола «любить», имеющего Экспериенцер в дативе (показатель =КП=*e*). Реципиент при глаголе «давать» также оформлен дативом» [19]. Как видно, в дифференциации с помощью падежных показателей различных семантических ролей анцухский диалект следует схеме литературного языка, отличаясь от него лишь формой выражения тех или иных падежей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Магомедов М.И. Лингвистическая география: взаимоотношения аварского литературного языка и его диалектов // Тез. докл. конф. по итогам географических исследований в Дагестане. Вып. XXII. Махачкала, 1994. С. 94.
2. Магомедов М.И. Лексика – национальное богатство народа // Очерки по лексике литературных языков Дагестана. Махачкала, 2014. С. 11.
3. Дибиров И.А., Магомедов Д.М. Синтаксическая структура пословиц и поговорок в аварском языке // Материалы ежегодной студенческой научно-практической конференции «Путь в науку – 2015». Махачкала, 2015. С. 39.
4. Абаев В.И. Язык и история // Теоретические проблемы советского языкознания. М., 1968. С. 35.
5. Магомедов М.И. Роль диалектов в процессе становления лексических норм аварского литературного языка // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России : материалы XV Всерос. науч. конф., проводимой в рамках IV Всемирного курултая башкир и посвященной юбилею доктора филологических наук, профессора Ф.Г. Хисамитдиновой (Уфа, 20 ноября 2015 г.). Уфа, 2015. С. 157.
6. Ломтев Т.П. Принципы построения формулы предложения // Науч. докл. высш. шк. Филологические науки. 1969. № 5. С. 68.
7. Магомедов Д.М. Синтаксическая связь определения с определяемым словом в аварском языке // Вестн. Ин-та языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. 2016. № 9. С. 43.
8. Стеблин-Каменский М.И. Спорное в языкознании. Л., 1974. С. 41–42.
9. Бокарев А.А. Синтаксис аварского языка. М.; Л., 1949. С. 18.
10. Саидова П.А. К спряжению глагола в закатальском диалекте аварского языка // Глагол в языках Дагестана. Махачкала, 1980. С. 4.
11. Исаков И.А. Элемент классно-личного спряжения в курсурском диалекте аварского языка // Там же. С. 86.

12. *Чикобава А.С.* Из истории образования эргативного (активного) падежа в аварском языке // Языки Дагестана. Вып. I. Махачкала, 1948. С. 14.
13. Очерки аварской диалектологии. М.; Л., 1959. С. 371.
14. *Микаилов Ш.И.* Указ. соч. С. 427.
15. *Арно А., Лансло Кл.* Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля. М., 1990. 273 с.
16. *Микаилов Ш.И.* Указ. соч. С. 427.
17. *Магомедов М.И.* Осложнение простого предложения инфинитными конструкциями в аварском языке // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. Махачкала, 1997. С. 152.
18. *Климов Г.А., Алексеев М.Е.* Типология кавказских языков. М., 1980. С. 243–244.
19. *Кибрик А.Е.* Константы и переменные в языке. СПб.: Алетейя, 2003. С. 454.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

А.Х.К. – Авар халкъалъул кичаби ва абиял. МахIачхъала, 1991; Г.П. – Героические песни и баллады аварцев. Махачкала, 1971; Гъ. Гъ. – ГъалбацIов Гъ. ГанчIал. МахIачхъала, 1994; М.Х.К. – МагIарулазул халкъиял кучIдул. МахIачхъала, 1990.

Поступила в редакцию 10.01.2017 г.
Принята к печати 28.03.2017 г.